

В. В. РОЗАНОВЪ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

И

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1912

Л. Н. ТОЛСТОЙ

и

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

В. В. РОЗАНОВЪ

Л. Н. Толстой

и

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Типографія А. С. Суворина. Эрталевъ, 13

Настоящая статья была написана по просьбѣ г. редактора журнала «*Revue contemporaine*», — для ознакомленія съ вопросомъ о Толстомъ и Русской Церкви западно-европейскихъ читателей. Къ такому уху и уму она и принаоровлена, — подробностями своими, тономъ своимъ, *мелочами*. Но тезисы, въ ней высказанные, суть въ точности мои тезисы. Русская Церковь въ 900-лѣтнемъ стояніи своемъ (какъ, впрочемъ, и все почти *историческое*) по истинѣ приводить въ смятеніе духъ: около древняго зданія ходишь и проклинаешь, ходишь и смѣешься, ходишь и восхищаешься, ходишь и восторгаешься. И недаромъ, — о, недаромъ, — Богъ послалъ Риму Катилину и Катона, Гракховъ и Кесаря... Всякая *исторія* непостижима: причина безконечной *свободы* въ ней, — и плакать и смѣяться. И какъ основательно одно, основательно и другое... Но все съ осторожностью...

Или, можетъ быть, даже безъ осторожности?
И это — можетъ быть. Исторія не только без-
конечна, но и неуловима.

Статья была переведена на французскій языкъ
редакціею журнала; русскій ея оригиналъ печатается
теперь впервые.

В. Р.

С.-Петербургъ.
25 сентября 1911 г.

Они не понимали другъ друга; даже не знали. И—разошлись. До проклятія съ одной стороны (отлученіе Толстого отъ Церкви, съ его впечатлѣніемъ въ обществѣ), до полнаго пренебраженія—съ другой (отношеніе Толстого къ Церкви). Софья Андреевна передала мнѣ на вопросъ, «какъ отнесся Толстой къ отлученію его», что онъ «выходилъ на свою обыкновенную прогулку, когда принесли съ почты письма и газеты. Ихъ клали на столикъ въ прихожей. Толстой, разорвавъ бандероль, въ первой же газетѣ прочелъ о постона-вленіи Синода, отлучавшемъ его отъ Церкви. Надѣль, прочитавъ, шапку—и пошелъ на прогулку. Впечатлѣнія никакого не было».

Потомъ, можетъ быть,—было впечатлѣніе, но какъ послѣдующая волна *отъ его собственныхъ обзъ этого пред-
метъ размышилений*. Но никакой «волны» не поднялось въ моментъ удара, и отъ самого удара.

* * *

Духовенство наше страшно не воспитано художественно, поэтически, литературно. И это не только справедливо относительно простыхъ священниковъ, но и относительно епископовъ и даже митрополитовъ. Митрополитъ Филаретъ Московскій былъ послѣднимъ всесторонне просвѣщеннымъ и художественно раз-

вityхъ лицомъ въ составѣ русской іерархіи. Его стихотворный отвѣтъ на одно стихотворенье Пушкина, гдѣ говорилось о безцѣльности жизни, указываетъ, что онъ былъ впечатлителенъ, и глубоко впечатлителенъ, къ поэтическому слову. Но Филаретъ былъ вообще человѣкъ исключительныхъ способностей. Чрезвычайно ученый архіепископъ Херсонскій и Одесскій Ниқаноръ уже писалъ профессору Н. Я. Гrotу, что онъ «имѣлъ терпѣніе прочитать всего нѣсколько главъ *Анны Карениной*»: но романъ ему «показался такъ неинтересенъ, скученъ и безсодержателенъ, что онъ его бросилъ, не дочитавъ». Между тѣмъ этотъ архіеп. Ниқаноръ извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ, какъ первый знатокъ позитивной философіи Огюста Конта и англійскихъ его послѣдователей, написавшій самый серьезный разборъ ея. Большинство же духовенства, и высшаго и низшаго, не читало — иначе какъ случайно и въ отрывкахъ — даже «Войну и Миръ», и совершенно не имѣетъ понятія о другихъ превосходныхъ и небольшихъ произведеніяхъ Толстого. Оно такъ занято предметами своей церковной службы, вообще своею собственною «церковною исторіей», истекшою и текущею, неудовольствіями и затрудненіями въ своихъ отношеніяхъ къ свѣтской власти, отъ которой зависима, наконецъ экономическимъ своимъ обеспечениемъ, или, вѣрнѣе, полною необеспеченностю (руssкіе священники не получаютъ жалованья), что ему «не до стиховъ и прозы». Если оно что и читаетъ, то сочиненія другъ друга о разныхъ духовныхъ предметахъ; это — серьезные; менѣе серьезные читаютъ газеты и низменную бель-литристику. Вообще они придаютъ значеніе жизни своей сословной, и — жизни государственной; но жизни литературной они не придаютъ никакого значенія, «не

ставять ее ни въ какое *число*», говоря языкомъ пиѳагорейцевъ. Поэтому, когда вопросъ зашелъ объ отлученіи Толстого отъ Церкви, то духовенству субъективно онъ представился совершенно иначе, чѣмъ всему русскому обществу, наконецъ — чѣмъ Россіи. Для Церкви и духовенства «отлучить Толстого» значило выразить, что началъ еретичествовать и оскорблять Церковь «одинъ изъ литераторовъ, незаслуженно превознесенный, который писалъ романы изъ пустой жизни свѣтскаго общества, совершенно уже не христіанской по нравственности и быту». О Толстомъ знали только, т. е. знало духовенство, что онъ изображалъ балы, скачки, увеселенія, охоту, сраженія,—все «до духовныхъ предметовъ не относящееся». И духовенство совершенно не знало, а въ слuchаяхъ знанія—совершенно не понимало, тотъ огромный, волнующійся и тонкій духовный міръ, въ который Толстой проникъ съ небывалою проницательностью. Духовенство наше не только литературно не образовано, но оно и психологически не развито: и сомнѣнія, тревоги, колебанія, мученія совѣсти и ума Левина («Анна Каренина»), князя Андрея Болконскаго и Пьера Безухого («Война и Миръ»), Оленина («Казаки»), Нехлюдова («Воскресенье» и «Утро помѣщика»)—для него просто не существовали. Все это казалось «вздоромъ и баловствомъ барской души», праздной, безъ работы и серьезнаго служебнаго долга..

Это — пониманіе одной стороны. Мы видимъ, что оно граничитъ съ полнымъ непониманіемъ.

Но и Толстой, со своей стороны, совершенно не понималъ Церкви.

Онъ зналъ Евангелие—да.

Онъ видѣлъ темноту и корыстолюбіе духовенства. Видѣлъ его мелкую бытовую неряшливость, сказывающуюся въ мелкой боязни передъ большою властью, непрямоту въ отношеніяхъ къ богатымъ людямъ, отъ которыхъ оно экономически зависито; и равнодушіе къ нравственному состоянію народа. Дѣйствительно, духовенство съумѣло пріучить весь русскій народъ, до одного человѣка, къ строжайшему соблюденію постовъ; но оно ни малѣйше не пріучило, а слѣдовательно и *не старалось пріучить*, русскихъ темныхъ людей къ исполнительности и аккуратности въ работѣ, къ исполненію семейныхъ и общественныхъ обязанностей, къ добросовѣстности въ денежнѣхъ расчетахъ, къ правдивости со старшими и сильными, къ трезвости. Вообще не научило народъ, деревни и села, *упорядоченной и трудолюбивой, трезвой жизни*. Это имѣло страшно тяжелыя послѣдствія. Бывали случаи въ Россіи, что темный человѣкъ зарѣжетъ на дорогѣ путника; обшаривая его карманы, найдетъ въ нихъ колбасу; тогда онъ ни за что не откуситъ отъ нея куска, если даже очень голоденъ, если убийство случилось въ постный день, когда церковью запрещено употребленіе мяса. Это — ужасный случай, но онъ дѣйствителенъ. Толстой вывелъ это во «Власти тьмы», гдѣ даже убиваютъ новорожденного ребенка, — но *предварительно надѣвъ на него крестъ*, т. е. пріобщивъ его къ составу вѣрующихъ, введя въ Церковь. Въ Россіи есть много *святыхъ людей*: и гораздо рѣже попадается просто честный, трудолюбивый человѣкъ, сознательный въ своемъ долѣ и совѣтливый въ обязанностяхъ.

Это—общее несчастіе Россіи. Сколько въ обществѣ и печати ни говорили объ этомъ духовенству, оно было исторически глухо къ этимъ словамъ. Оно не за-

мѣчало, не чувствовало укоровъ. Таковъ духъ и *исторія* русской Церкви и русского духовенства: а известно каждому изъ личной жизни, какъ трудно сознать, почувствовать и исправить специфические личные недостатки и пороки. Такимъ образомъ этотъ страшный проступокъ духовенства есть, однако-же, проявленіе только общечеловѣческой, міровой слабости, безволія, безсознательности. Всѣ — таковы: только мы и лично «таковы» въ отношеніи другихъ слабостей и пороковъ.

Толстой гнѣвался и волновался около этихъ недостатковъ духовенства. Около его безчувственности къ слову, къ укору. И волненіе, развиваясь дальше,—выразилось въ рѣзкомъ осужденіи русскихъ *пышныхъ* церковныхъ службъ, *пышныхъ* облаченій, и присущаго духовенству значительного *властолюбія* и *честолюбія*. «Къ чему все это, когда вы не выучили народъ даже воздерживаться отъ водки».

* * *

Конечно, Толстой былъ правъ здѣсь. Но *мелкою правдою*. Есть въ міровыхъ и историческихъ вещахъ крупная правда и мелкая правда. Периклъ украсилъ Аѳины великими созданіями архитектуры и скульптуры: и *истощилъ государственную казну* на это. Аѳиняне бросились на него съ жестокими упреками, и едва онъ самъ не принужденъ былъ пойти въ изгнаніе. Онъ спасся только, сказавъ: «Хорошо, граждане,—расходы на статуи и храмы я приму на свой личный счетъ; но зато на нихъ сотру надпись: *воздвигъ аѳинскій демосъ*, и выставлю подпись: *это сдѣлалъ для города Аѳинъ Периклъ*», Аѳиняне взмолновались и оставили прежнія надписи, но приняли на себя и расходы, т. е. *увеличеніе налога*. Другой примѣръ: Сципіонъ Африканскій спасъ

Римъ, побѣдивъ Аннибала; но на походъ въ Африку истратилъ очень много денегъ, и, главное, не записалъ всѣхъ расходовъ и не могъ дать отчета. Народъ, подговоренный агитаторами, въ шумномъ собраніи потребовалъ у него отчета. Молча онъ взглянулъ на неблагодарныхъ гражданъ и сказалъ: «Сегодня годовщина битвы при Замѣ (гдѣ онъ разбилъ Аннибала): я иду въ Капитолій принести благодарность богамъ. Кто хочетъ—пусть слѣдуетъ за мною». Впечатлительный народъ подъ обаяніемъ благороднаго слова кинулся за нимъ въ Капитолій, покинувъ клеветниковъ. Въ обоихъ случаяхъ народъ, требуя отчета въ деньгахъ,—былъ, разумѣется, правъ. Но онъ былъ мелочно правъ: и отъ того вообще неправъ. Въ такую неправоту впалъ и Толстой.

Онъ не понялъ или, лучше сказать, *просмотрѣлъ* великую задачу, надъ которой трудились духовенство и Церковь девятьсотъ лѣтъ,—усиливалось и было чутко и умѣло здѣсь, и этой задачи дѣйствительно чудесно достигло. Это—выработка *святою человѣка*, выработка самого типа *святости*, стиля *святости*; и—*благочестивой жизни*.

Конечно, если бы русскій народъ ограничивался представлениемъ, что убить не такъ грѣшно, какъ сѣсть мяса въ постный день,—то въ Россіи не было бы возможно вообще никакому человѣку жить, самъ народъ давно погибъ бы въ порокахъ, и Россія какъ государство и нація развалилась бы. Но *чѣмъ-то* она держится. Чѣмъ? Тѣмъ, что отъ старика до ребенка 10-ти лѣтъ известно всѣмъ, что такое «святой православный человѣкъ»; тѣмъ, что каждый русскій знаетъ, что «такие святые — есть, не переведутся и не переводились»; и что *въ совѣсти своей*, которая есть непремѣнно у каждого человѣка, всѣ

руssкіе вообще и каждый въ отдельности тревожится этимъ образомъ «святого человѣка», страдаетъ о своемъ отступлениі отъ этого идеала, и всегда усиливается вернуться къ нему, достигнуть его; достигнуть хотя-бы частично и не надолго.

«Святой человѣкъ» или «Божій человѣкъ» есть образъ, именно художественный образъ (а не понятіе), совершенно неизвѣстный Западной Европѣ и не выработанный ни одною Церковью,—ни католицизмомъ, ни протестантизмомъ.

Онъ заключается въ полномъ и совершенномъ отлученіи себя отъ всякаго своекорыстія; не говоря о деньгахъ и имуществѣ, даже вообще о собственности,—это отреченіе простирается и на славу, на уваженіе другими, на почѣтъ и извѣстность. «Святой человѣкъ» погружается въ совершенную тишину безмолвной, глубоко внутренней жизни: но не пассивной и бездѣятельной, а глубоко напряженной. Усилие направляется на искорененіе въ себѣ всякихъ «нечистыхъ помысловъ», т. е. на искорененіе самыхъ мыслей и желаній, связанныхъ съ богатствомъ, знатностью, женщинами, шумомъ городовъ и базаровъ. Но это—только отрицательная половина дѣла, которая была бы неисполнима безъ положительной: что же наполнило бы душу, опустѣвшую отъ «нечистыхъ помысловъ»? Свобода отъ «нечистыхъ помысловъ» есть только выметенная горница для принятия какого-то гостя. Этотъ «гость», въ нее входящій, есть Богъ. Но не «Богъ» какъ понятіе, не «Богъ» какъ религіозная истина: а Живое Лицо Его, Живое Его Существо, наполняющее душу такого «руssкаго праведника», «руssкаго юродиваго», «руssкаго святого» неописуемымъ восторгомъ и счастьемъ. Но—не это одно, хотя это—главное. Русскій не остается съ этимъ. Иногда

онъ на десять лѣтъ уходитъ въ лѣсъ, выкапываетъ себѣ пещеру, строить себѣ шалашъ, и въ немъ живеть, на голодѣ и холодѣ и въ полномъ безмолвіи, чтобы «сподобиться узрѣть Бога», «почувствовать Бога»... Онъ непрерывно молится: и молитва русскаго человѣка есть опять душевный феноменъ, мало известный или вовсе не известный у другихъ народовъ. Этого ни описать, ни выразить нельзя, это нужно тайно подсмотреть или случайно услышать. Вся молитва сплетается изъ глубокаго сознанія своей грѣховности, своего ничтожества, изъ совершенной примиренности души со всѣми людьми, видѣнными и которыхъ не видѣлъ онъ, изъ жажды Божіей помощи, изъ надежды на Божію помощь, изъ вѣры въ чудо и чудесную Божію помощь. Душа такого человѣка, за 5—10 лѣтъ, прошла страшныя отреченія и полна страшной жажды. И «по вѣрѣ» дается: онъ «чувствуетъ Бога около себя», въ своей пещерѣ, шалашѣ, въ кельѣ; больше-же всего конечно въ душѣ и пылающемъ сердцѣ. И вотъ онъ закалёнъ: закалёнъ отъ «искушеній», соблазновъ, отъ влеченія къ пустотѣ и ничтожеству міра. Но «русскій святой» не бываетъ безъ великой любви ко всѣмъ людямъ. «Русскій святой» есть глубоко *народный святой*. Тогда онъ выходитъ изъ своего уединенія и безмолвія: и одни изъ такихъ людей дѣлаются «странниками», т. е. переходятъ изъ мѣста въ мѣсто, странствуютъ по всей Россіи, идутъ въ знаменитые величіемъ и древнею славой монастыри Россіи, Греціи, Палестины. Или, чаще, поселяются гдѣ-нибудь по близости къ монастырю (но никогда почти въ самомъ монастырѣ), и бесѣдуютъ съ тѣми людьми, которые къ нимъ приходятъ искать утѣшенія и совѣта въ несчастіи жизни, въ потерѣ близкихъ, смерти жены или мужа, смерти дѣтей, въ брошенности мужемъ или

взлюбленнымъ, въ разореніи, притѣсненіяхъ отъ людей и власти. Наконецъ приходятъ люди, запутавшіеся со своимъ умомъ и совѣстью; приходитъ убійца, приходитъ богачъ, кающійся въ дурныхъ способахъ пріобрѣтенія богатства. Приходятъ всѣ «труждающіеся и обремененные», о которыхъ училъ Спаситель, что Онъ «пришелъ исцѣлить ихъ». Приходятъ, наконецъ, неисцѣлимо больные тѣломъ, чтобы онъ о болѣзни ихъ «попросилъ Бога». Шалашъ или келья такого «святого» бываютъ окружены массою народа: и проходя среди его, «святой», по взгляду на лицо уже узнавъ, чѣмъ (приблизительно) томится пришедший, дотрагивается до него рукою, уводить его къ себѣ въ келью или какъ-нибудь уединяется, и бесѣдуетъ, разспрашиваетъ, совѣтуетъ. Такому «святому», по общему народному убѣжденію, нельзя солгать, какъ и нельзя, «грѣхъ», что нибудь ему не доказать. Такимъ образомъ передъ нимъ раскрывается вся душа и вся жизнь пришедшаго за помощью человѣка. И какъ за годъ онъ переговоритъ такимъ образомъ съ нѣсколькими тысячами людей, а за много лѣтъ со многими десятками тысячъ человѣкъ, то душа и духовный взоръ и духовный разумъ такого «святого» до того изощряется и утончается въ постиженіи природы человѣческой и всѣхъ колебаній жизни человѣческой, что онъ становится—какъ народъ называетъ—«прозорливымъ», т. е. онъ прозираетъ до самаго дна душу человѣческую, видѣть эту душу въ самомъ трепетѣ, въ самыхъ по-таенныхъ волненіяхъ, въ самыхъ скрытыхъ поползновеніяхъ и слабостяхъ; и въ то же время онъ видѣть въ этой душѣ лучшія возможности, находить такія силы, которыхъ самъ пришедший въ себѣ не сознавалъ; наконецъ, одушевляетъ и укрепляетъ къ лучшей новой жизни своимъ святымъ одушевленіемъ. Онъ не про-

сто совѣтуетъ, а повелъваетъ пришедшему человѣку сдѣлать тѣ-то и тѣ-то, всегда въ глубочайшемъ соотвѣтствіи съ силами и способностями человѣка, никогда ее рѣзко не насилия и не ломая. Очень нуждающимся, сиротамъ, вдовамъ, онъ помогаетъ деньгами,—изъ тѣхъ, которыя приносятъ «въ даръ» ему другіе. Толстой любилъ посѣщать такихъ «святыхъ», ибо зрелище народное нигдѣ такъ не открывается, какъ около жилищъ такихъ «святыхъ». Одинъ такой русскій отшельникъ далъ ему сюжетъ для разсказа «Три старца»: онъ въ, немъ только нѣсколько переиначилъ случай, котораго случайно былъ зрителемъ. Именно,—Толстой разъ видѣлъ, какъ такой «старецъ», уже окончивъ бесѣду съ народомъ, шелъ къ цельѣ, а люди все бѣжали около него, и онъ отъ этого еще болѣе изнемогалъ. Вотъ одинъ изъ такихъ «бѣгущихъ» схватилъ его за край одежды. Старецъ къ нему обернулся.—«Что тебѣ?»—«Какъ спастись?»—Старецъ, совсѣмъ изнеможенный, въ силахъ быть только проговорить:—«Да сколько васъ въ дому?»—«Тroe»,—отвѣтилъ пристававшій. Тогда, остановясь и задыхаясь, старецъ сказалъ:—«Ну, такъ и спасайтесь, молясь: *три васъ, три насъ—спаси насъ*». Такъ мнѣ рассказывалъ самъ Толстой. Достоевскій въ романѣ «Братья Карамзовы» вывелъ въ лицѣ старца Зосимы іеросхимонаха Амвросія, изъ той Оптиной пустыни, куда передъ смертью поѣхалъ изъ Ясной Поляны гр. Толстой. Здѣсь же у отца Амвросія бывали лучшіе русскіе философы, Страховъ и Соловьевъ; первый былъ не только философомъ, но и превосходнымъ ученымъ по физіологии и физикѣ. Къ старцу Амвросію (онъ умеръ лѣтъ 18 назадъ) прїѣзжали и купцы-милліонеры, и придворные лица, дворяне, военные и послѣдніе бѣдняки и убогіе. И онъ совершенно одинаково

говорилъ со всѣми. Такимъ образомъ, подобный «святой» есть собственно «исцѣлитель» болѣющей душою Россіи и болѣющей въ жизни Россіи,—иногда на свою небольшую мѣстность, иногда на нѣсколько губерній, иногда даже на всю нашу землю. Послѣднее было со священникомъ города Кронштадта, Іоанномъ.

Но это — завершенный образъ «святого». Однако, *приближенія* къ нему крупицами разсѣяны во всемъ народѣ; или—рѣдкій русскій человѣкъ не переживаетъ порывовъ къ этой святости, хотя недолгихъ и обрывающихся. Вотъ этою стороною своей нравственной или, вѣрнѣе, своей духовной жизни и живетъ русскій народъ, ею онъ крѣпокъ, черезъ нее встаетъ изо всякихъ бѣдъ. Русскій народъ никогда не отчаивается, всегда надѣется. Параллельно съ грубостью, лѣнью, пьянствомъ, пороками, но въ другомъ направленіи, идетъ другая волна—подъема, раскаянія, порывовъ къ идеалу. И это въ простомъ народѣ еще сильнѣе и распространеннѣе, чѣмъ въ образованныхъ классахъ.

Но этотъ «святой человѣкъ» данъ Церковью, церковнымъ духомъ, церковною исторіею. Молитвы, присущія нашей Церкви, которыя непрерывно народъ слышитъ въ храмахъ, полны совершенно особенного духовнаго настроенія и жизненнаго пониманія. Это духовное настроение полно нѣжности, деликатности, глубокаго участія къ людямъ, глубокой всемірности... Въ храмѣ постоянно слышатся молитвы «о всѣхъ людяхъ» (не объ однихъ православныхъ, не только о своей Православной Церкви), о «примиреніи всѣхъ людей» (между прочимъ—о примиреніи «всѣхъ Церквей»); о томъ, чтобы Богъ укрѣпилъ въ людяхъ кротость, прощеніе обиды; вмѣстѣ съ тѣмъ въ храмѣ упоминаются съ молитвою о помощи «всѣхъ теперь болѣщіе», всѣ «путешествующіе»;

священникъ вслухъ молится, чтобы Богъ помогъ присутствующимъ «подавить свой гнѣвъ», «не осуждать своего ближняго», «видѣть собственные недостатки»; чтобы Богъ помогъ каждому «разсѣять свое печальное настроеніе». Есть ежедневная молитва о томъ, чтобы Богъ каждому присутствующему послалъ въ свое время «безболѣзеннную кончину» и «образъ христіанской смерти». Вмѣстѣ съ тѣмъ Церковь молится о плодородіи земли, о «мирѣ всего міра», о «благораствореніи воздуха», т. е. о хорошей погодѣ для урожая, овощей и плодовъ. Все это очень *народно* и очень *жизненно*: храмовая служба наша обнимаетъ мелкое и великое жизни человѣческой во всѣхъ ея подробностяхъ, въ высшей степени понятныхъ и въ высшей степени нужныхъ каждому. Отсюда проистекаетъ народный и любимый характеръ церковной службы. Не зная церковной службы, совершенно нельзя понять, что такое русскій народъ и какъ онъ произошелъ. Если-бы уничтожить церковную службу и разрушить дѣйствіе ея на душу народную и на быть народный,—Россія немедленно дезорганизовалась-бы, пришла въ хаосъ и пала. Храмъ вполнѣ замѣняетъ для нашего народа гимназію, школу, университетъ, книгу и науку. Этого нельзя понять, не зная универсальности нашей храмовой службы и того, что она вся выражена поэтично, вдохновенно. Ея музыкальная сторона, заключающаяся въ повышеніяхъ и пониженіяхъ голоса произносящаго молитвы, въ напѣвахъ молитвъ—удивительна. Такимъ образомъ она не только просвѣщаетъ народъ извѣстными истинами, но и постоянно зоветъ его къ идеалу, притомъ къ идеалу жизненному, простому, достижимому, практическому, трезвому и багородному.

* * *

Вотъ великий «Акрополь» русскаго народа; его «побѣда надъ Аннибаломъ»... Здѣсь таится такъ много сокровищъ, что въ виду ихъ совершенно невозможно было подымать тѣхъ споровъ съ богословіемъ Церкви, т. е. съ книжными теоріями о Церкви, которые началъ Толстой. Пусть быль-бы во всемъ правъ Толстой, и «русское богословіе» подъ его критикою превратилось-бы въ развалины. Это ничего рѣшительно не затронуло-бы. И «русскій святой», съ помощью всему слабому и болящему въ народѣ, остался бы попрежнему все также нуженъ и полезенъ народу, также святъ и прекрасенъ въ своемъ образѣ; и «даруй, Господи, миръ всему миру, соедини всѣхъ вѣрующихъ вмѣстѣ, уничтожь разладъ ихъ сердецъ, дай намъ всѣмъ кончину жизни свѣтлую, совѣстливую и безболѣзненную»—все это осталось-бы истиной, все это останется прекраснымъ и глубокимъ. Толстой былъ очень похожъ, въ своихъ богословскихъ трудахъ, на медведя, который,—желая согнать муху съ лица своего заснувшаго друга-человѣка,—поднялъ-бы противъ этой мухи камень, который можетъ убить самого человѣка.

Въ этомъ онъ былъ неправъ и безсиленъ. Въ Россіи, въ образованныхъ классахъ, очень развитъ полный атеизмъ: атеисты шумно привѣтствовали его критику, воображая, что она что-то разрушаетъ. Наконецъ, ей очень обрадовались тѣснимые правительствомъ сектанты, такъ какъ эта критика удовлетворяла ихъ чувству вражды къ Церкви. Но на нее совершенно не обратила никакого вниманія вся масса серьезно образованнаго русскаго общества, которая знаетъ существо своей Церкви и знаетъ ея корни.

* * *

Еще о последнихъ, объ этихъ «корняхъ»... Толстой учился въ университѣтѣ на физико-математическомъ факультетѣ, притомъ, по собственному воспоминанію,— учился плохо и небрежно. Хотя онъ потомъ всю жизнь очень много читалъ и изучалъ, но это не могло замѣнить университетскихъ лекцій по исторіи. Дѣло въ томъ, что никакая книга не содержитъ въ себѣ *интонаціи* живого голоса живого человѣка и не содержитъ «отступленій въ сторону», оговорокъ и замѣчаній,—которыми профессоръ сопровождаетъ чтеніе въ аудиторіи. Наконецъ, ни въ какую книгу нельзя уложить и ни въ какой ученой формѣ нельзя выразить тѣхъ частныхъ бесѣдъ, бесѣдъ мелькающихъ, обрывающихся, недоконченныхъ, которыя студентъ, заинтересованный наукою, можетъ имѣть съ профессоромъ у него на дому, или идя по коридору изъ аудиторіи. Вѣдь часто афоризмъ скажетъ больше, чѣмъ разсужденіе; насмѣшка, сарказмъ живого человѣка, или его восхищеніе, выраженное въ блескѣ глазъ и вибраціи голоса,—скажутъ больше, чѣмъ печатныя строки съ печатнымъ знакомъ восклицанія. Словомъ, книга всегда «безъ штриховъ»; и въ книгѣ говорить ученый «безъ тона»; а «тонъ дѣлаетъ музыку»: и Толстой зналъ исторію вотъ именно «безъ музыки». Т. е. въ сущности онъ ее вовсе не зналъ, иначе какъ скелетно и въ однихъ фактахъ. Духа ея не зналъ, аромата ея не обонялъ. Только ученый, уже всю жизнь посвятившій на изученіе эпохи перехода античнаго міра въ новый христіанскій, могъ бы въ четыре года университетскаго курса дать почувствовать Толстому такія тайны античныхъ чувствъ, такія тайны противоположныхъ христіанскихъ чувствъ, могъ-бы передать такую

непостижимость древней смерти и нового воскресения, какие по-истинѣ уловимы для голоса и уха и неуловимы для бумаги и чтенія. Толстой былъ просто необразованъ въ этой области. Какъ ни великъ его геній, какъ ни глубоко и всемирно его сердце, онъ понялъ бы, что всетаки это есть *личный* геній, *личное* сердце, что черезъ голову его проходятъ *личные* мысли, сегодня *одинъ* и завтра—*другія*: и все это только омываетъ подножіе того гигантскаго горнаго хребта, какой является собою *исторія* въ безчисленныхъ *пластахъ* ея, *твърдыняхъ* и *неисповѣдимостяхъ*. Какъ малъ Шекспиръ передъ англійскою исторіею! Можетъ быть, онъ геніальнѣе всякаго англичанина: но *всѣ-то* англичане, весь англійскій народъ, всѣ поколѣнія этого народа такъ велики, мудры, поэтичны, что Шекспиръ всетаки является среди его какъ Монбланъ среди Альпъ. Онъ *выше* всѣхъ: но Альпы неизмѣримо *больше* его... То-же и Толстой въ религіозной критикѣ Православія: въ одѣждѣ мужичка и странника, подражая *русскому мужику и страннику* — онъ входилъ въ толпу народную, гдѣ-нибудь около монастыря. И онъ *тонулъ* въ ней, исчезалъ, становился невидимъ. Это — физически, но *также и духовно*. Онъ вдругъ дѣйствительно перестаетъ быть «великимъ» среди этого народа, болѣщаго всѣми язвами человѣческими и мучающагося всѣми человѣческими сомнѣніями. Народъ, простая обыкновенная толпа въ тысячу человѣкъ, но измученная и религіозно взведенная, поднятая религіозно молитвой, надеждой, страхомъ, отчаяніемъ, принесеннымъ сюда изъ домовъ своихъ,—она религіозно была... не выше, но массивнѣе, серьезнѣе, страшнѣе всѣхъ ученій Толстого о «непротивленіи-ли злу», или какихъ другихъ, все равно. Народъ—гигантъ, всегда гигантъ. Исторія—еще болѣшій гигантъ, колоссъ. И нельзѧ человѣку, никогда

нельзя подходить къ этимъ величинамъ иначе, чѣмъ съ желаніемъ вникнуть сюда, уважать это ..

Море всегда больше пловца... Оно больше Колумба, мудрѣе и поэтичнѣе его. И хорошо, конечно, что оно «позволило» Колумбу переплыть себя; но могло бы и «не дозволить». Природа всегда болѣе неисповѣдимая тайна, чѣмъ разумъ человѣческій. Толстой — былъ разумъ. А исторія и Церковь — это природа.

*Окончена печатаниемъ 20 сентября 1911 года въ типографии
А. С. Суворина.*

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ

СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

В. В. РОЗАНОВА:

- Библейская поэзия.** Спб. 1912 г. Цѣна 50 коп.
- Темный Ликъ.** Метафизика христіанства. СПБ. 1911 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Люди лунного света.** Метафизика христіанства. СПБ. 1911 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Русская Церковь.** Духъ. Судьба. Ничтожество и очарование. Главный вопросъ. СПБ. 1909 г. Цѣна 40 к. (По отпечатаніи подверглась аресту и была освобождена отъ него по приговору С.-Петербургской судебнай палаты въ 1911 г.)
- Тоже.** Переводъ на нѣмецкій языкъ. (Въ сборникѣ „Russen ueber Russland“). Франкфуртъ на Майнѣ.
- Тоже.** Переводъ на итальянскій языкъ. Миланъ.
- Тоже.** Переводъ на французскій языкъ Zimont St.-Jean et Denis Roche. Paris. 1911 г.
- Около церковныхъ стѣнъ.** Два тома. СПБ. 1906 г. Цѣна каждого тома 2 р.
- Въ мірѣ неяснаго и не решенаго.** Изд. 2-ое. СПБ. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Семейный вопросъ въ Россіи.** Два тома. СПБ. 1903 г. Цѣна 4 р. 50 к.
- Ослабнувшій фетишъ.** Психологическія основы русской революціи. СПБ. 1906 г. Цѣна 20 к.
- Когда начальство ушло.** Очеркъ русскихъ событій 1905—1906 гг. Цѣна 2 р.
- Итальянскія впечатлѣнія.** Римъ.—Неаполитанскій заливъ.—Флоренція.—Венеция. Съ рис. Л. С. Бакста и тремя видами Честума. СПБ. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Легенда о Великомъ Инквизиторѣ** Ф. М. Достоевскаго. Опытъ критического коментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 3-е. СПБ. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Сумерки просвѣщенія.** Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Издание И. П. Перцова. СПБ. 1899 г. Цѣна 1 р. (распродано).
- Природа и Исторія.** Сборникъ статей. Изд. 2-ое П. П. Перцова. СПБ. 1902 г. Цѣна 1 р. (распродано).
- Религія и Культура.** Сборникъ статей. Изд. 2-ое П. П. Перцова. СПБ. 1902 г. Цѣна 1 р. 20 к. (распродано).
- Литературные очерки.** Издание И. П. Перцова. СПБ. 1899 г. Цѣна 1 р. (распродано).
- О пониманіи.** Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки, какъ цѣльного зданія. Москва. 1886 г. Цѣна 5 р. (распродано).
- Мѣсто христіанства въ исторіи.** Изд. 2-ое. СПБ. 1903 г. Цѣна 20 к. (распродано).
- Мѣстото на христіанството въ историята.** Отъ В. В. Розановъ. Прѣводъ на болгарскій языкъ отъ Русски подъ редакціята на Д. Божковъ. Библіотека «Духовна Пробуда». Пловдивъ. 1906 г.

Складъ изданий въ книжномъ магазинѣ И. И. Митюрникова
(СПБ., Литейный пр. д. 31, телефон. 90—12).

Цѣна 30 коп.